

Василий Осипович Ключевский

Царь Михаил Романов

*Часть сборника
Исторические портреты*

Василий Осипович Ключевский

Царь Михаил Романов

Серия «Исторические портреты»

Текст предоставлен издательством «Эксмо»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=176689
Исторические портреты: Эксмо; Москва; 2008
ISBN 978-5-699-28593-8

Аннотация

«Пришлось выбирать царя Земским собором. Но соборное избрание по самой новизне дела не считалось достаточным оправданием новой государственной власти, вызывало сомнения, тревогу. Соборное определение об избрании Бориса Годунова предвидит возражение людей, которые скажут про избирателей: «Отделимся от них, потому что они сами себе поставили царя». Кто скажет такое слово, того соборный акт называет неразумным и проклятым...»

**Василий Осипович
Ключевский
Царь Михаил Романов**

**Благочестивый Государь, Царь и Великий Князь
Михаил Феодорович, всея великия России Самодер-**

жец.

С прижизненного изображения

Выборный царь. Пришлось выбирать царя Земским собором. Но соборное избрание по самой новизне дела не считалось достаточным оправданием новой государственной власти, вызывало сомнения, тревогу. Соборное определение об избрании Бориса Годунова предвидит возражение людей, которые скажут про избирателей: «Отделимся от них, потому что они сами себе поставили царя». Кто скажет такое слово, того соборный акт называет неразумным и проклятым.

В одном очень распространенном памфлете 1611 г. рассказывается, как автору его в чудесном видении было поведано, что сам Господь укажет, кому владеть Российским государством. Если же поставят царя по своей воле, «навек не будет царь». В продолжение всей Смуты не могли освоиться с мыслью о выборном царе. Думали, что выборный царь – не царь. Настоящим, законным царем может быть только прирожденный, наследственный государь из потомства Калиты, и выборного царя старались пристроить к этому племени всякими способами, юридическим вымыслом, генеалогической натяжкой, риторическим преувеличением.

Бориса Годунова, по его избранию, духовенство и народ торжественно приветствовали как наследственного царя, «здравствоваша ему на его государеве вотчине», а Василий Шуйский, формально ограничивший свою власть, в

официальных актах писался «самодержцем», как титуловались природные московские государи. При такой неподатливости мышления в руководящих кругах появление выборного царя на престоле должно было представляться народной массе не следствием политической необходимости, хотя и печальной, а чем-то похожим на нарушение законов природы: выборный царь был для нее такой же несообразностью, как выборный отец, выборная мать. Вот почему в понятие об «истинном» царе простые умы не могли, не умели уложить ни Бориса Годунова, ни Василия Шуйского, а тем паче польского королевича Владислава. В них видели узурпаторов, тогда как один призрак природного царя в лице прейдохи неведомого происхождения успокаивал династически-легитимные совести и располагал к доверию.

Смута и прекратилась только тогда, когда удалось найти царя, которого можно было связать родством, хотя и не прямым, с угасшей династией. Царь Михаил утвердился на престоле не столько потому, что был земским всенародным избранником, сколько потому, что доводился племянником последнему царю прежней династии. Сомнение в народном избрании, как в достаточно правомерном источнике верховной власти, было немаловажным условием, питавшим Смуту, а это сомнение вытекало из укоренившегося в умах убеждения, что таким источником должно быть только вотчинное преемство в известной династии.

Потому это неуменше освоиться с идеей выборного царя

можно признать производной причиной Смуты, вышедшей из только что изложенной основной.

Избрание. Вожди земского и казацкого ополчения, князя Пожарский и Трубецкой, разослали по всем городам государства повестки, призывавшие в столицу духовные власти и выборных людей из всех чинов для земского совета и государственного избрания. В самом начале 1613 г. стали съезжаться в Москву выборные всей земли. Мы потом увидим, что это был первый, бесспорно всесословный, Земский собор с участием посадских и даже сельских обывателей. Когда выборные съехались, был назначен трехдневный пост, которым представители Русской земли хотели очиститься от грехов Смуты перед совершением такого важного дела.

По окончании поста начались совещания. Первый вопрос, поставленный на соборе, выбирать ли царя из иноземных королевских домов, решили отрицательно, приговорили: ни польского, ни шведского королевича, ни иных немецких вер и ни из каких неправославных государств на Московское государство не выбирать, как и «Маринкина сына». Этот приговор разрушал замыслы сторонников королевича Владислава. Но выбрать и своего природного русского государя было нелегко. Памятники, близкие к тому времени, изображают ход этого дела на соборе не светлыми красками. Единомыслия не оказалось. Было большое волнение; каждый хотел по своей мысли делать, каждый говорил за своего; одни предлагали того, другие этого, все разноречили; придумывали, кого

бы выбрать, перебирали великие роды, но ни на ком не могли согласиться и так потеряли немало дней. Многие вельможи и даже невельможи подкупали избирателей, засылали с подарками и обещаниями.

По избрании Михаила соборная депутация, просившая инокиню-мать благословить сына на царство, на упрек ее, что московские люди «измалодушествовались», отвечала, что теперь они «наказались», проучены, образумились и пришли в соединение. Соборные происки, козни и раздоры совсем не оправдывали благодушного уверения соборных послов. Собор распался на партии между великородными искателями, из которых более поздние известия называют князей Голицына, Мстиславского, Воротынского, Трубецкого, М. Ф. Романова. Сам, скромный по отчеству и характеру, князь Пожарский тоже, говорили, искал престола и потратил немало денег на происки. Наиболее серьезный кандидат по способностям и знатности, князь В. В. Голицын, был в польском плену, князь Мстиславский отказывался; из остальных выбрать было некого.

Московское государство выходило из страшной Смуты без героев; его выводили из беды добрые, но посредственные люди. Князь Пожарский был не Борис Годунов, а Михаил Романов – не князь Скопин-Шуйский. При недостатке настоящих сил, дело решалось предрассудком и интригой. В то время как собор разбивался на партии, не зная, кого выбрать, в него вдруг пошли одно за другим «писания», пе-

тиции за Михаила от дворян, больших купцов, от городов Северской земли и даже от казаков; последние и решили дело. Видя слабосилие дворянской рати, казаки буйствовали в освобожденной ими Москве, делали, что хотели, не стесняясь временным правительством Трубецкого, Пожарского и Минина. Но в деле царского избрания они заявили себя патриотами, решительно восстали против царя из чужеземцев. Они намечали, «примеривали» настоящих русских кандидатов: ребенка, сына Вора тушинского, и Михаила Романова, отец которого Филарет был ставленник обоих самозванцев, получил сан митрополита от первого и провозглашен патриархом в подмосковном лагере второго. Главная опора самозванства, казачество, естественно, хотело видеть на престоле московском или сына своего тушинского царя, или сына своего тушинского патриарха. Впрочем, сын Вора был поставлен на конкурс несерьезно, больше из казацкого приличия, и казаки не настаивали на этом кандидате, когда Земский собор отверг его.

Сам по себе и Михаил, 16-летний мальчик, ничем не выдававшийся, мог иметь мало видов на престол, и, однако, на нем сошлись такие враждебные друг другу силы, как дворянство и казачество. Это неожиданное согласие отразилось и на соборе. В самый разгар борьбы партий какой-то дворянин из Галича, откуда производили первого самозванца, подал на соборе письменное мнение, в котором заявлял, что ближе всех по родству к прежним царям стоит М. Ф. Романов, а

потому его и надобно выбрать в цари. Против Михаила были многие члены собора, хотя он давно считался кандидатом и на него указывал еще патриарх Гермоген, как на желательного преемника царя В. Шуйского. Письменное мнение галицкого городского дворянина раздражило многих. Раздались сердитые голоса: кто принес такое писание, откуда? В это время из рядов выборных выделился донской атаман и, подошедши к столу, также положил на него писание. «Какое это писание ты подал, атаман?» – спросил его князь Д. М. Пожарский. «О природном царе Михаиле Федоровиче», – отвечал атаман. Этот атаман будто бы и решил дело. «Прочетше писание атаманское и бысть у всех согласен и единомыслен совет», – как пишет один бытописатель.

А. Кившенко. Избрание Михаила Федоровича на царство

Царь Михаил Феодорович

Михаила провозгласили царем. Но это было лишь предварительное избрание, только наметившее соборного кандидата. Окончательное решение предоставили непосредственно всей земле. Тайно разослали по городам верных людей выведать мнение народа, кого хотят государем на Московское государство. Народ оказался уже достаточно подготовленным. Посланные возвратились с донесением, что у всех людей, от мала и до велика, та же мысль: быть государем М. Ф. Романову, а опричь его никак никого на государство не хотеть. Это секретно-полицейское дознание, соединенное, может быть, с агитацией, стало для собора своего рода избирательным плебисцитом.

В торжественный день, в Неделю православия, первое воскресенье Великого поста, 21 февраля 1613 г., были назначены окончательные выборы. Каждый чин подавал особое письменное мнение, и во всех мнениях значилось одно имя – Михаила Федоровича. Тогда несколько духовных лиц вместе с боярином посланы были на Красную площадь, и не успели они с Лобного места спросить собравшийся во множестве народ, кого хотят в царя, как все закричали: «Михаила Федоровича!».

Романовы. Так соборное избрание Михаила было подготовлено и поддержано на соборе и в народе целым рядом вспомогательных средств: предвыборной агитацией с уча-

ствием многочисленной родни Романовых, давлением казацкой силы, негласным дознанием в народе, выкриком столичной толпы на Красной площади. Но все эти избирательные приемы имели успех потому, что нашли опору в отношении общества к фамилии. Михаила вынесла не личная или агитационная, а фамильная популярность. Он принадлежал к боярской фамилии, едва ли не самой любимой тогда в московском обществе.

Романовы – недавно обособившаяся ветвь старинного боярского рода Кошкиных. Давно, еще при великом князе Иване Даниловиче Калите, выехал в Москву из «Прусския земли», как гласит родословная, знатный человек, которого в Москве прозвали Андреем Ивановичем Кобылой. Он стал видным боярином при Московском дворе. От пятого сына его, Федора Кошки, и пошел «Кошкин род», как он зовется в наших летописях. Кошкины блистали при Московском дворе в XIV и XV вв. Это была единственная нетитулованная боярская фамилия, которая не потонула в потоке новых титулованных слуг, нахлынувших к московскому двору с половины XV в. Среди князей Шуйских, Воротынских, Мстиславских Кошкины умели удержаться в первом ряду боярства. В начале XVI в. видное место при дворе занимал боярин Роман Юрьевич Захарьин, шедший от Кошкина внука Захария. Он и стал родоначальником новой ветви этой фамилии – Романовых. Сын Романа Никита, родной брат царицы Анастасии, – единственный московский боярин XVI в.,

оставивший на себе добрую память в народе: его имя запомнила народная былина, изображая его в своих песнях о Грозном благодушным посредником между народом и сердитым царем.

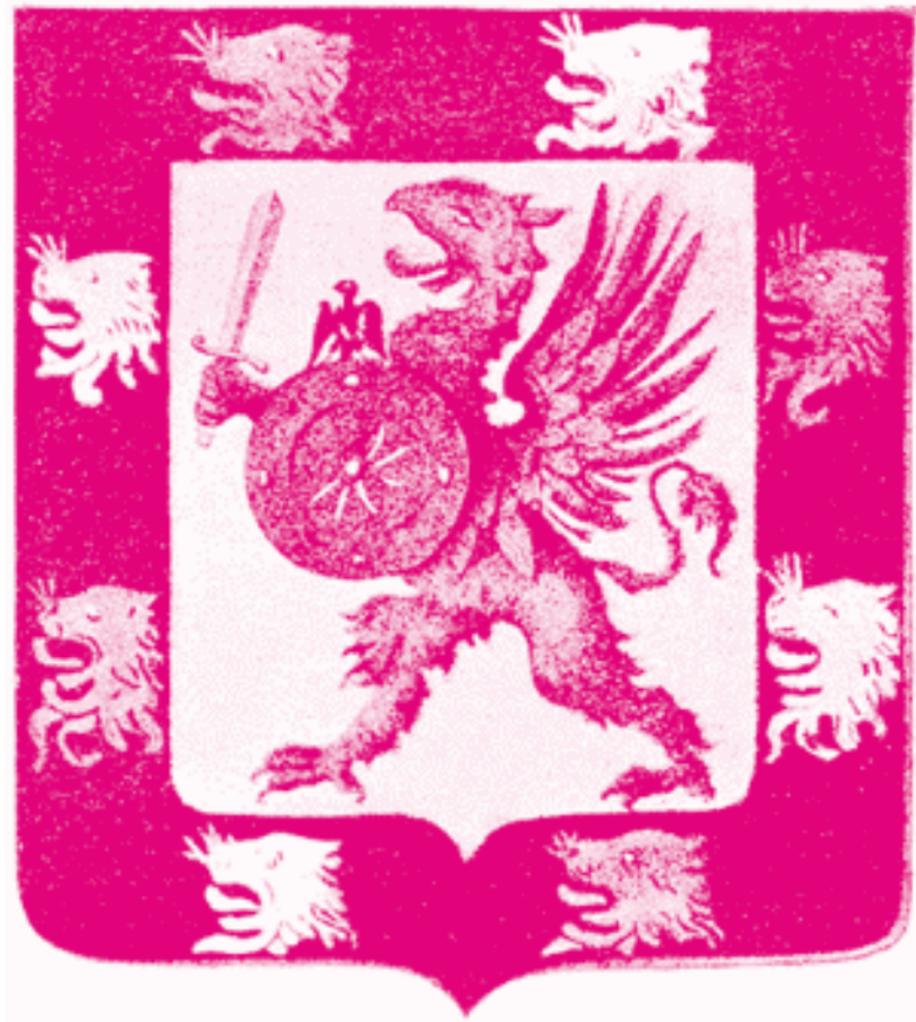
Из шести сыновей Никиты особенно выдавался старший, Федор. Это был очень добрый и ласковый боярин, щеголь и очень любознательный человек. Англичанин Горсей, живший тогда в Москве, рассказывает в своих записках, что этот боярин непременно хотел выучиться по-латыни, и по его просьбе Горсей составил для него «Латинскую грамматику», написав в ней латинские слова русскими литерами. Популярность Романовых, приобретенная личными их качествами, несомненно, усилилась от гонения, какому подверглись Никитичи при подозрительном Годунове. А. Палицын даже ставит это гонение в число тех грехов, за которые Бог покарал землю Русскую Смутой. Вражда с царем Василием и связи с Тушином доставили Романовым покровительство и второго Лжедмитрия и популярность в казацких таборах. Так двусмысленное поведение фамилии в смутные годы подготовило Михаилу двустороннюю поддержку, и в земстве и в казачестве.

Но всего больше помогла Михаилу на соборных выборах родственная связь Романовых с прежней династией. В продолжение Смуты русский народ столько раз неудачно выбирал новых царей, и теперь только то избрание казалось ему прочно, которое падало на лицо, хотя как-нибудь связанное с

прежним царским домом. В царе Михаиле видели не соборного избранника, а племянника царя Федора, природного, наследственного царя. Современный хронограф прямо говорит, что Михаила просили на царство «сродственного его ради союза царских искр». Недаром Авраамий Палицын зовет Михаила «избранным от Бога прежде его рождения», а дьяк И. Тимофеев в непрерывной цепи наследственных царей ставил Михаила прямо после Федора Ивановича, игнорируя и Годунова, и Шуйского, и всех самозванцев. И сам царь Михаил в своих грамотах обычно называл Грозного своим дедом.

Трудно сказать, насколько помог избранию Михаила ходивший тогда слух, будто царь Федор, умирая, устно завещал престол своему двоюродному брату Федору, отцу Михаила. Но бояр, руководивших выборами, должно было склонять в пользу Михаила еще одно удобство, к которому они не могли быть равнодушны. Есть известие, будто бы Ф. И. Шереметев писал в Польшу князю Голицыну: «Миша-де Романов молод, разумом еще не дошел и нам будет поваден». Шереметев, конечно, знал, что престол не лишит Михаила способности зреть и молодость его не будет перманентна. Но другие качества обещали показать, что племянник будет второй дядя, напоминая его умственной и физической хилостью, выйдет добрым, кротким царем, при котором не повторятся испытания, пережитые боярством в царствование Грозного и Бориса. Хотели выбрать не способнейшего, а удобнейшего. Так

явился родоначальник новой династии, положивший конец Смуте.

Герб бояр Романовых.

Посередине герба – красный гриф (полуорел, полулев) на

серебряном поле.

Герб этот, представляющий герб Ливонии с обратными цветами (серебряный гриф на красном поле), стал семейным гербом Романовых после блестящих побед, одержанных Никитой Романовичем Захарьиным (братом царицы Анастасии) в Ливонии, согласно обычаю, установившемуся на Западе, по которому зачастую победители брали себе гербы побежденных